

**Снег поздней любви
(2007)**

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«Снег поздней любви» – девятый сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

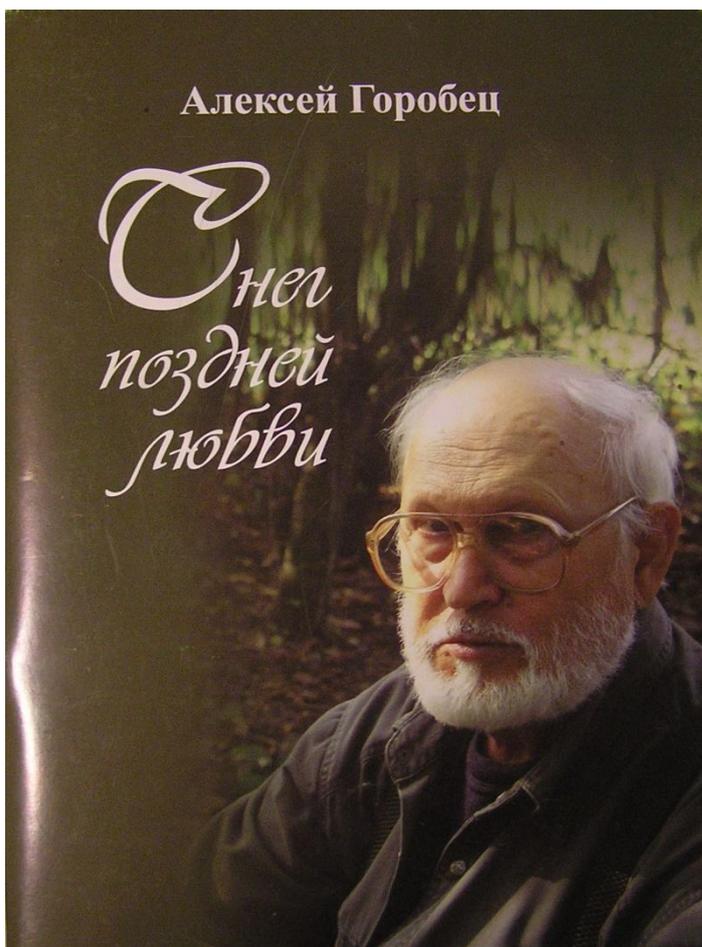
Из аннотации к книге: «Поэзия Алексея Горобца – это особый взгляд на явления и события, свой, только ему присущий способ восприятия и осмысления жизни. Полная философской грусти и почти языческого слияния с природой любовная лирика поэта занимает основное место в предлагаемом читателю новом – девятом – поэтическом сборнике.»

«Снег поздней любви» – самый популярный сборник стихов Алексея Горобца. Правильнее было бы сказать – сборник имел и продолжает иметь огромную популярность среди читателей. Вышедшая в краснодарском издательстве «Раритеты Кубани» тиражом всего 1 000 экземпляров «зелёная книжечка», как называет её сам автор по цвету обложки, очень быстро разошлась среди любителей поэзии. В мае 2008 года усилиями композитора и исполнителя из Краснодара Ольги Черевко, написавшей на стихи Алексея Горобца множество песен, в муниципальном концертном зале г.Краснодара был организован и с успехом прошёл музыкально-поэтический вечер «Свет нашей любви», основной частью программы которого стали чтение автором стихов, вошедших в данный сборник, и исполнение Ольгой Черевко песен на стихи данного цикла.

К настоящему моменту печатное издание данного сборника является большой редкостью. В чём же сила и притягательность стихов данного цикла? Ответ был дан выше. Она в том, что оставаясь верным теме философского осмысления всего, о чём он пишет и с чем соприкасается, автор посвятил этот сборник ЛЮБВИ.

Примечательным, хотя и далеко не изученным является тот факт, что, по словам продавцов магазинов, в которых продавалась книжка, её охотно покупали таксисты. Думается, привыкших коротать время в ожидании клиента за чтением книг таксистов смело можно отнести к категории довольно искушённых читателей. Так ли охотно люди сегодня покупают книги? Что должно подвигнуть среднестатистического соотечественника, живущего в период разрыва образовательных и культурных традиций в условиях экономической, социальной и прочих неопределённостей, потратить деньги на покупку книжки стихов?.. Смело ставим самими этими фактами книжке «знак качества» (помните, был такой в золотую пору СССР?). Ставим и читаем.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

Легко ли теперь вспоминать!..

А всё начиналось с простого:
С весны, снегопада слепого –
Мятежного снежного слова
Зимы, не умевшей смолчать.

Нельзя заслужить благодать!
И это нисколько не ново...

Но быть к ней хоть как-то готовой

Душа твоя жаждет –
И слово –
Мятежное снежное слово-

Бог даст,
И успеешь сказать...

* * *

Репейник согнулся, болеет.
Крапива скрывает испуг:
Погода отбилась от рук!

Как мало нас любят вокруг
И вовсе никто не жалеет.

Дождей измождённые тени,
Сырая от снега стерня.
В отчаянном зимнем цветенье
Ты всё ещё веришь в меня.

И я – наугад, наудачу –
По снегу слепому тащусь,
Сберечь, удержать тебя тщусь,
И всё же теряю – и плачу.

И плачу, что ветры седеют,
Что холоден лик ноября,
Что скоро ты, сердце скрепя,
Забудешь меня – и себя...

И небо понять нас сумеет,

И вьюга тебя пожалеет,
И стужа полюбит тебя.

* * *

И нет нам рая на земле!
Ну, нет. И быть не может.

Поля в стерне, трава в золе,
В душе зима...
И всё же

Ты возвращалась –
Как беда,
Как жаркое ненастье,
Как синь-вода по кромке льда,
Опять – и снова навсегда!
И дом стонал от счастья.

А снег пылал,
И уходя,
Хмелел, почти растаяв,

И полыхал пожар дождя
Над крышами сараев.

* * *

Придешь зимой –
Я печку затоплю,
Повытрясу из книг цветы-закладки,
И ароматом пыли утеплю
Следы в душе,
Что так глупы и сладки.

Приди зимой!
Мороз решит вопрос
О стойкости ночных цветов-узоров
На стёклах,
А метель устроит кросс
Вокруг крыльца,
Чтоб показать свой нор.

И в доме воцарится благодать,
И боль обид устанет и отстанет,
И страж любви – скрипучая кровать
Нас будет восхищать и удивлять,

И старое
Ну, кто из нас помянет!..

* * *

Любовь покоем удосужена
И сладко дышит по утру –
И горяча, и чуть простужена
На этом сказочном ветру.

И бесконечна околесица
Твоих бессонных стонов-снов,
И всё никак не перебесится
Твоя любовь, твоя любовь...

И безымянным счастьем мается
Твоя мечта – твоя мечта! –
И, осмелев, захлѐб кусается,
Разъяв горячие уста.

И листья, сонные и вялые,
В окно скребутся по утру,
Как будто мало,
Будто мало им

Того, что было ввечеру.

* * *

Метель взвилась,
Сорвалась с высоты
Весенних туч лишь у земли прогретых,
И разметалась меж дерев раздетых
В сиянье нестерпимой наготы.

И застонали,
Выгнулись кусты,
И лёд вспотел,
Прознав про всё про это...
О, как слепа весна, как мало света
И как глупы подснежные цветы!

Им завершать свой зябкий зимний путь.

А нам, смеясь, ладони окунуть
Вот в этот снег, да и свечу задуть,
И до утра вникать в простую суть
Любви ночной,
Где лишь твои приметы...

И рядом притулился ангел лета –
Слегка погреться
И чуть-чуть вздремнуть.

* * *

Застрять меж никогда и навсегда –
Без сожалений, без печали сердца...

С тобой нам никуда уже не деться!

В чашобе, где беда и лабуда,
Дряхлеет осень, молниями битый,
И сквозь листву – остыло и забыто –
Мерцает кривобокая звезда.

И вспять ползут пустые поезда,
О провода почёсывая темя,
И синих искр компьютерное племя
Сулит сместить, переиначить время,

Но этого не будет никогда.

И всё кружит неяркая звезда,
И трогает листву, и смотрит вниз, и
Срывается – сюда, к тебе, в густой
Настой лугов, в горячий травостой...

И спрячет нас рассветный дождь косой,

И электричек выкрики и взвизги
Зайдутся там, за лесополосой...

* * *

Задёрганный ветром, иссушенный зноем,
Умытый росой, что ни свет, ни заря...
И даже вороны кривой стороною
Обходят его, не рискуя зазря.

Гороховый бомж, одноногое пугало,
Он встал в огороде врагов отгонять.
А рядом, в саду, что-то пело и ухало,
И сладко звало – улетать, улетать...

Но молча пасёт он червей и улиток
На грядках, где серый бурьян и ботва,
И хмель сорняковый – и хлипок, и липок –
Схватить норовит его за рукава.

А лето дозрело, и осень напугана
Ненастьем, и тучи едва на плаву...
А он всё стоит, одинокое пугало,
Спасая бурьян и сухую ботву.

И пусть уже в небе метель куролесится,
И супит позёмка белёсую бровь,
Он помнит и ждёт,
И в душе его теплится

Всё та же надежда,
Всё та же любовь...

* * *

Умой слова,
Повычеркни красоты
И удержи – хотя бы до утра! –
Любовь к печали,
Верность справедливости
И тайнопись гусяного пера.

Оставь свою избыточную мудрость
Дождям – и не таи, тем паче, зла
На скарედность и сумрачную скудность
Осеннего усталого тепла.

И наших рук разомкнутые тени,
И память губ, что я не превозмог –
Калиткой скрипнут, ступят на порог...

И сны твои читая между строк,
Рассудит нас усталый и осенний

Наш Бог любви,
Любви печальный Бог.

* * *

Осень щедра:
В ожидании стужи
Смело сорит золотым дождём,
Косо штрихует кривые лужи –

Можно б подправить, да выйдет хуже.
Да и куда мы теперь пойдём!

Нам бы остаться вот где-то рядом
С летом, согретым былём дождей,
С нашим давно не весенним садом
Первой любви –
Под ревнивым взглядом
Осени, ставшей совсем своей.

Верю я в осень.
И даже если
Вдруг заполошный закружит снег,
Пусть себе! – что нам худые вести,
Если мы вместе...
А то, что здесь ты,
Ну, не такой уж и смертный грех!

Осень не выдаст.
А снег – пусть кружит!
Пусть намечает свой храм на крови
Мокрых цветов –
Бог весть кем разбужен,
Вьюжен,
И нам он совсем не нужен,
Этот предвестник небесной стужи,

Снег нашей поздней,
Последней любви.

* * *

Всё состоит из мелочей:
И зимние проблемы,
И летняя возня грачей,
И всхлип в ночи, незнамо чей,
И дождь...

И хризантемы
Дрожат в распахнутых очах
И душу рвут на части...

Твой мир –
Он потому зачах,
Что не поверил в счастье.

* * *

Вослед любви, ну, что ещё сказать?
Винить себя, или назначить крайней
Вот эту ночь с её холодной ранью,
С её бессильем что-то понимать?

А снег спешит – и упадет в грязь,
И лужи осыпает мелкой бранью...

А выше, в небе,
Шифры мироздания
Сияют, никуда не торопясь...

* * *

Внимай, внимли,
Но только не приемли
Обиды, суесловия, хулы...

Небесных стран невиданные земли
Плывут себе над нами, и стволы
Ночных деревьев иссушают корни,
Размашисто вплетая вязь ветвей
В то давнее, где тихо и покорно
Встречают небыль тени старых пней.

И ты, встревожив даль и то, что ближе –
Непуганой крапивы синеву,
Борщевень, лопушьё, плакун-траву,
Кувшинок цвель –
Ты за собой услышишь
(И на полозья памяти нанижешь!)
Тоску болот, куда нас не зовут:

Тоску любви,
Где мхи
И забытьё –

Отчаянье и счастье твоё.

* * *

Какое утро!
По утру
Так явственны приметы...

Мир, в общем, движется к добру,
Хоть мы не верим в это.

Мы в ожиданье бед – нас так
Легко судьба достала.
А солнце вдруг –
Вразбрызг,
Вразмах,
Сквозь дождь – и заблестало!

И все тревоги – как рукой,
И вот она – дорога,
И талый снег, и шальный зной,
И радость понемногу,

И ловит луч любви
Пчелу
В медвяном оперенье...

Мир, всё же,
Движется к добру!

И в этом нет сомненья.

* * *

Когда вокруг смешки да прибаутки,
Когда бедлам и суета в дому –
Нас выручают наши предрассудки,
Предшествуя рассудку и уму.

Они удержат от соблазнов праздных,
От глупости обманчивых побед,
Гася разгул пожаров инфракрасных
И вожделий ультрафиолет.

И утвердив живительность ненастья,
Преломят хлеб и напоят водой,
Оставив на подзой, на перегной,

Изношенное,
Брошенное счастье

С избытой и забытою бедой.

* * *

Качнулся ввысь пирамидальный тополь,
Привстал, вздохнул, потрогал небосвод...

Чего-то нет, но этого хоть вдосталь:
Дерев, кустов над гладью талых вод,
Подвымерзших ветвей,
Творящих таинство
Возврата к жизни после зимних стуж –
В свой мир, где ни гордыни,
Ни злопамятства,

Лишь солнце, дождь
И радость первых луж.

* * *

А ночь – белоснежна,
А небо – туманное,
А белы снега – глубоки и легки.
И льдиста дорога – метельная, санная,
И ловят удачу в снегах ямщики.

И вновь безысходность исходит в стихи,
И счастье снова к другим переходит...

Прости их –
Всех тех, кто тебя превосходит,
Прости и люби – и душе не с руки

Себя будет завистью
Злобить и мучить.

И вспомнят, домой воротясь, ямщики
О вечной дороге – и нет её лучше! –
О гиблых сугробах, оврагах и кручах,

Где снега и вьюги исходят в стихи.

* * *

Песок, бетон.
Болотный запах лилий.
Над плавнями прочерчен дымный след.
И брошен на буклет авиалиний
Ромашек неприкаянный букет.

Теперь нам с облаками разбираться,
Да спорить с небом о Добре и Зле...

А небо остаётся на земле –
Искать алмазы в пепле и золе
И слать богам
Хулу по сиплой рации
За счастье, что, как прежде, на нуле.

А счастье рядом – поле и околица...
Пусть клеть пуста и покосился хлев,
Судьбы едва угаданный запев
Зерном в горсти
И тайным смыслом полнится,

Неправотой
И правдой отболев.

* * *

Играют с нами звёзды, колготится
В ветвях рассвет. На мачтовой сосне
Зардеют иглы. Что-то о весне
Скукует горлопатенькая птица
И тихо сгинет в следующем дне.

А там – черешен жаркие объятья,
Пыльца и пыль пылающих цветов,
Крапивы непорочное зачатъе,
Наития, прозренья – и заклятъе
Тех ранних зим, тех быстрых холодов,
Где братство льдов, где листопады-братья,

Где в жёлтых вьюгах буду сострадать я

Отчаянью
Невызревших плодов.

* * *

Гудит неукротимая пурга,
Углы, чащобы, тропы заметая,
И в снежной мгле плуτούν волчьи стаи,
И в двери, в щели, в души залетая,
Почти не тая, буйствуют снега.

И ты, по недомыслию, по незнанью,
Пытаешься по хрупкой кромке льда
Рулить, руководить похолоданьем,
Не слишком-то и веря в холода.

И раскрутив метели без просвета,
Оставив вьюгам вымыслы и сны,
У волчьих ям, в прогалинах лесных,
Ты ждёшь весны –
Ты тяжко ждёшь весны...

И та придёт –
Пьяна, вольна, раздета...

А там уже рукой подать до лета,

Где маков цвет
И стоны белены.

* * *

Кто мутно мыслит – смутно излагает,
Надеясь, что не вникнут, не поймут...

А Божьи Овны небо обживают
И по ночам руном золотым блистают,
Топчась в кошаре лунной там и тут.

И тает снег,
И заспанное солнце
Выводит лето на круги своя,
И не закрыта Книга Бытия,
И плавают поля, начав с нуля...

И ждёт тепла счастливая земля...

Не ведая
Про гексоген и стронций.

* * *

Опять в душе разлад и чреваточие,
И злость на всё, и некуда податься!
Скудеет жизнь, пора – и даже очень нам
В том, что осталось, как-то разобраться.

Грешить – смешно.
Ещё нелепей каяться:
Судьба и так раскаяньем больна.
А что душа? Она всегда вольна
Делить с тобой стакан пьяна вина,
Пугать в саду ворон,
С крапивой лаяться,
Прощать тебя и – некуда податься! –

Уже одна,
Ещё не зная дна,

Небесным безднам зябко улыбаться.

* * *

Не отвергай Господни наказания!
Бог любит тех и к тем благоволит,
Кто, зная, что покинут и забыт,
Всё претерпел,
Все превозмог страданья.

Будь верен слову, не бросай слова
На ветер, даже если ветер с юга –
Оттуда,
Где снега, обняв друг друга,
На скользких склонах держатся едва,

Где праведная, правая дорога
Крута, терниста, но по ней идти,
Тащить свой скорбь,
Свой скорбный крест нести –

Чтобы, отринув левые пути,
Душой земной
Вдруг прикоснуться к Богу.

* * *

А свечи гаснут – и довольно скоро.
Каштаны отцветают и, дразнясь,
В подворьях бродят сорнотравья своры,
И оголтелы птичьи разговоры,
И с небом всё отчётливее связь.

И гаснут свечи.
Отрочество творчества,
Драчливое, без имени, без отчества,
Ушло-прошло в свой срок и не слышны
Его эпиталамы и поэмы.

И лето буйствует,
И рядом осень, где мы
Уже стоим, безропотны и немые,

Наедине с дождливым одиночеством

В туманах
Молчаливой
Тишины.

* * *

И черти боятся гнилого болота!..

Потёмки душа – ни тропинки, ни брода:

Бочаги стенаний, шатаний, обид...

Но кто-то её стережёт и хранит,

И оберегает неведомый кто-то...

И всхлипы зарниц, и небес позолота,

И скрытность ночей, и запахнутость дня,

И соль твоих губ в завершение огня –

Всё это уже не отпустит меня...

И черти боятся гнилого болота.

* * *

И пусто на душе,

И за душой прохлада.

За окнами гроза пускает пузыри:

Рычит на небеса, льёт ливни без огляда,

И громко о своём с богами говорит.

Ну, что нам загадать

И что ещё придумать!..

Иной разрез крыла, пера иную стать?

Забился на чердак вихрастый белый турман,

Успев на всём лету усвоить и понять,

Что счастье – сплошь гроза,

Любовь – полёт сквозь ливни

За семь земных небес в сиреновом дыму –

И на заборах пивни

Горластые твои вникают в кутерьму

Несбывшихся надежд – отчаянных и шумных,

Взывающих прощать,

Терзаться, сострадать...

И рядом небеса

И ты,

И белый турман,

И мимолётных птиц вся ангельская рать...

* * *

Пронзительный ноябрь –
Он здесь, он дома:
Бесснежен, ветрен, нестерпимо свеж.
Он режет правду-матку по живому,
Не оставляя никаких надежд.

Любовь ещё с тобою, и тоска её
Близка нам
И горька, как нищета,
Где радость безнадежна ко взысканию
И счастьем не оплачены счета.

Она ещё с тобой – с её постелями
Покосных трав,
С мечтами взмыть, взлететь...
Ну, как себе простить,
Что не умели мы
Ни восхищаться, ни благоговеть!

Теперь ноябрь.
Незвана и непрошена,
В дверях зима: дождей сырое крошево
Исходит в иней, в изморозь зари...

Ты дверь прикрой, лампаду затепли,

И – что скорбеть! –
Былым займётся прошлое,
Тобой – зима с позёмкой и порошею,
И снежный путь,
И – что ж... Всего хорошего!

И больше ничего не говори.

* * *

Ушло и вроде бы пропало...
Ну, что там с памятью души?

Мы редко думаем и мало:
Фитиль да кремень, да кресало,
Чтоб пламя в тиглях заплясало,

Чтоб стрелы востры да мечи.
Куём мы счастья ключи!

Цветут февральские мимозы...

Сквозь торопливый, сивый лес
(А времени и впрямь в обрез!)
Скрипят возы, спешат обозы,
Взлетает, отгоняя мрак,
Необоримый ветер юга!

И холодеет от испуга
На снеговалах-блокпостах,
Охапками, в снопах, букетах
Нас тихо охмуряет лето,
Дрожа в восторженных руках.

И вновь земле дарует небо
Алчбу воды и жажду хлеба,
И цветопад в садах кружит.

А что ушло, чего не стало,
Оно не сгибло, не пропало,
Всё стало кремнем и кресалом –
Всё стало огнивом души.

И в синеве звенят стрижи,

И это, верь,
Совсем не мало.

* * *

Несёт пыльцу и мнёт траву и листья
Бродячий синий ветер луговой.
Цветы цветут и прорастают мысли,
Упавшие в золу ещё зимой.

В них тычут морды облака и кони,
Жуют и топчут, и, сминая даль,
В цикадном звоне, в журавлином стоне
Уходят в ночь, где в тихих реках тонет
Янтарных лун расколотый хрусталь.

И веришь –
Всё само тебе откроется:
Перестрадав, простив и претерпев
Нелепиц всех и бедствий перегрев,
Земля – смотри! – о нас с тобою молится...

И встретит утро, и росой умоется
Душа твоя...

Почти не постарев...

* * *

С простого чиха лиха не бывает:
Жизнь просчитать, как деньги в кошельке,
Поди, сумей!

А время утекает –
И тает, и плывёт и уплывает
Весенним льдом по суетной реке.

И не зови – теперь никто не вникнет
В твоих речей усталый непокой!..

Лишь дым печной
Махнёт тебе рукой
И в отчей мудрости остынет
И поникнет

Над пересохшей призрачной рекой.

* * *

Не любят их – худых и сирых,
Героев свар и мелких драк.
Пасёт несытая Россия
Бездомных брошенных собак.

Они юлят с улыбкой жалкой
У остановки, где «чипок»,
И кто-то тянется за палкой,
И кто-то бросит им кусок...

И не расслышать,
Не подслушать
Счастливым всхлип собачьих снов,
Где дым и дом, очаг и кров,
И безоглядная любовь,

И в небе – страждущие души
Бездомных белых облаков...

* * *

Земля безвидна и пуста,
И тьма, и бездна, и витает
Дух Божий, и ещё не знает,
Какая скрыта красота
В Его творенье!..

Слава Богу,
Мир состоялся понемногу –
Разумен, радостен, открыт.

Но ты потерян, ты забыт
Самим собой! Душой безвидной
Ты всё же чувствуешь провидно
И злобу туч, и ложь зарниц,
И беспросветность глаз и лиц,
Меж тьмой и бездной павших ниц
Перед тельцом златым постыдно...

И зреет мгла,
И очевидна

Тщета Божественных десниц...

* * *

Трава любви,
Трава забвенья!

Пырей, душица, чистотел
Счастливых снов,
И самомнение
Весенних гроз – их беспредел,

Их безоглядность в самом сущем:
Что на сейчас, что на потом,
А что для вечности с кнутом,
Той, что в лаптях, с дудой пастушьей,
Бродяжит, не вникая слишком
В дела земные – здесь мы, нет...

И тонет в травах звёздный свет,

И с красным глазом телевышка
Ржавеет твой теряя след...

* * *

Бог трудится,
Чтоб мы благоговели
Перед лицом Его.

Наступит зимний мрак:
Согбенные насупленные ели,
В чьих жилах летом смолы так кипели,
Свою звезду в зеркальных небесах
Отыщут – каждая! – и звёзды отразятся
В холодной хвое, в голубых глазах
Морозной мглы,
И станет забываться
Тревожная мечта о холодах.

И отойдут в метелях тени лета,
И зачатит в руках лучина света,

И старые дубы нахмурят лбы,

Предвидя
Намерения судьбы.

* * *

Под кем-то лёд трещит,
Под нами ломится,
И всё у нас не этак и не так!

Вот то-то и припомнится пословица,
Когда сквозь санный след, незнамо как,

Сверкнёт темна вода – и не опомнится,
Не спохватиться! – и наверняка
К нам вскинет руки чёрная река,
Ломая лёд...

Но всё-то нам не тонетя!..

И тонкой нитью след твой, санный путь,
По полыньям, хоть вплавь, хоть как-нибудь,
Несёт тебя, и оттепелей суть
Давно ясна,
И ежевика колетя,
И в кошенине, в травяной стерне,
Кричат сверчки – всё горше, всё больней –
О счастье, о зиме и обо мне,

О том,
Что никогда уже не вспомнится...

* * *

О, патока и мёд, елей словесный!
Потоки слов, где всё наоборот.
Сорочья мудрость! – даже интересно,
Куда тебя трескучесть занесёт.

Не миновать болтливому греха!
Не суесловь: будь прям и многодумен.

Высокая форманта языка!..

Осядет пыль,
Отлипнет чепуха...

Замкни свои уста – и ты разумен.

* * *

Любовь темна, душа больна,
А память ветром носит...
Цветёт родная сторона,
Цветёт и плодоносит.

И давние её сады,
Что позабыты нами,
Цветы роняют и плоды –
В бурьян,
В объяття лебеды
С колючими глазами,
В подзой,
Где злой костёр утрат
Готов чадить, шаманить,

Суля уже иной расклад,
Уже иную память...

* * *

Вечерняя ласковость клёнов...

Как много наломано дров!
Печальны звонницы без звонов,
Больны купола без крестов.

И прошлое скудно и скупое,
А счастье чуть-чуть и в обрез...

Но светел весенний твой лес,
Неся этот сказочный купол
Поверивших в чудо
Небес.

* * *

Взметнёшься вверх,
Сорвёшься вниз –
И вдрызг, и весь твой сказ!

И тает след, и гибнет смысл
За частоколом фраз.

И вот опять
Твоя страна
Рванулась наудачу...

Чтоб, заплатив за всё сполна,
Нам доживать на сдачу.

* * *

Последний жёлудь слетит и утонет,
Расплескав отраженье своё.
Ведьма-осень нам снова готовит
Приворотное зелье-питьё.

Запах прелого сена, зелёный
Мох в канавах и мокрая пыль,
Где ворчливые бродят вороны,
Разгребая несгнившую гниль.

Скоро белые трели-метели
Нас обнимут, любя-не любя.
Мы дождёмся, мы сами хотели
Этой поздней судьбы для себя.

И сугробы, заносы-карнизы,
Мгла и глушь, где зови-не зови,
Охранят нашу снежную близость,
Нашу вьюжную снежность любви.

И в распадках, не знающих лета,
В гиблых стужах, не знающих тризн,
Будет ветром и льдами воспета

Эта жизнь,
Эта вечная жизнь.

* * *

Подспудная мысль, абсолютно туманная,
Скользнёт, промелькнёт – ни призреть, ни понять...

Не буду перечить и спорить не стану я –
Где ветер посеян, там нечего взять.

Там нечего ждать – только стужи да засухи,
Да вечных печалей седой бесприют.
И небо закрыто, и заперто наглухо
Душа, где и в праздники не подают.

Но что-то влечёт нас в ненастья туманные,

И снова готова томиться и ждать –
В обносках надежд, непутёвая, странная, -
Слепая любовь – уж не Богом ли данная? –

Предтеча прозренья,
Почти благодать...

* * *

Ночь заскрипит на старых дорогах,
И боль дневную затая,
Сойдутся в рощах при дорогах
Полуседые тополя.

И псы дворовые, где хаты,
Заборы, явят нам сквозь сон
Разноголосый и богатый
Свой подзаборный лексикон.

Мы их, конечно, понимаем
И на себя берём вину
За всё, что там, уже за краем,
И вместе с ними тихо взлаем
И возрыдаем – на луну,
На дождь,
На рябь небесной глади,
На блики звёздного огня,

Где никогда нам не растратить

Ни влажной мглы твоих объятий,
Ни губ, поверивших в меня.

* * *

Пришла беда –
Не брезгуй ты и ею.
В сенях не прячься – мимо не пройдёт!
Всё в жизни и мудрее, и хитрее,
Чем от ворот широкий поворот.

Мы всё накликали,
Всё выпросили сами,
Начав с неразуменья, с пустяка.

И гасят свечи в опустелом храме
Студёные ладони сквозняка.

Ну, что ж – беда бедой,
А ты привычно
Углы повымети, готовься в новый день:
Плети кривой судьбы своей плетень...

Всё правильно.
Всё праведно.
Отлично.

Вот только ночь совсем уж неприлично
Обнажена – до звёзд! –
И не постичь нам
Её надежд...

И зябнет горемычно

Вчерашний день,
Уже вчерашний день...

* * *

О прошлое споткнуться не боюсь:
Избыто, отпечалено, отпето.
Трещат и трутся, провожая лето,
Сухие спины жёлтых кукуруз.

И петухи, не рассчитав рассвета,
Срываются на крик, как будто это
Удержит и тебя, и наше лето,

И наш ночной,
Всегрешный наш союз.

* * *

Последний снег сметён несмело
Прохладным ветренным теплом,
И кромка луж разледенела,
И всё просчитано умело,
И переходит слово в дело...

Но речь, конечно, не о том!

А всё о том, что врозь да порознь
И мы, и трав подснежных поросль,
И всё же изморозь и морось
Уже не застыт свет в окне.

И оживает в полусне
Любовь и боль,
Любовь и горесть –

К ветрам и паводкам готовясь,

Готовят мир
К Большой Весне.

* * *

Накрапывает дождь.
Воспоминанья
Не дарят мудрости:
Ну, вспомнил – и забудь!

Отчаянная, гибельная суть
Всея любви...

Мы были там, за гранью!

Ты не лгала,
Но всё провидел сам я:
И дрожь травы, и оторопь зари,
И тайный зов стремнин твоих: - Плыви!..
И боль, что нам означила заранее
Ночных туманов влажное касанье,
Рассветных звёзд угар и угасанье...

И вечный грех
Неправедной любви.

* * *

Ну, что тебе твои воспоминанья,
Когда поскрёбыш осени пустой –
Обугленный морозом травостой –
Вдруг обретает память и дыханье!

И отрешась от рабского сознанья
Подснежной прели, крокус голубой
Проклюнулся – и тёплые туманы
Несут, смеясь, и слёзы, и обманы,
И грозы,
И любовные романы...

И стонет дождь,
От счастья сам не свой,

Обняв листву и становясь листвой.

* * *

Осенний свет.
Щекастых яблок рденье.
Ботвы ленивой пыльные хвосты.
И облака, и белые мосты
Сквозных небес, сулящих возвращенье
К исходному, к началу, где Земля
Мелькнёт меж звёзд потерянной звездой,
Сверкнёт слезой, уже чужой для глаз...

И я вернусь –
Дождём, метелью, зноём...

И от беды собой тебя укрою –

Ещё не раз,
Даст Бог – ещё не раз...

«И всё в Екатеринодаре, как в далёком Париже, но чуточку наособицу, на свой южный, казачий лад. И так же, как в самом Париже – Старый, Новый, Сенной базары, ресторанчики, трактиры... И мы рады, что кто-то выпустил слово на ветер: «...наш маленький Париж».

Виктор Лихонос

1.

Глашатай,
Вестник жёстких январей
И февралей, холодный и прозрачный,
Мелькает дождь.
Над площадью – невзрачный
Обвислый флаг и свежий транспарант:
Похоже – выборы, и на носу парад
Планет и звёзд российского бомонда.

Над тёмной аркой – дремлющие морды
Подслеповатых престарелых львов.
И шелестят, и не находят слов,
И вязнут листьев золотые орды,
И шепчутся, и гибнут под ногой,
Найдя своё успенье и покой.

А над сенным базаром – чуть живой
И ржавый призрак Эйфелевой башни –
Водонапорный гений, день вчерашний,
Ненужный, захирелый, отставной...
Мы оба с ним оттуда, где тараша
На мир глаза, бренчит трамвай ледащий,
Где в старых храмах отдыхает зной,
Где за горсадом – плёс, луга и пашни,
А по весне – собак бездомных шашни,
И вечный твой, чуть свет, автобус дачный...

И вечная любовь – само собой...

2.

Скрипишь ты всё, трамваями гремишь,
Наш постаревший маленький Париж!..

Давай присядем – так, потосковать.
Ну, кто ещё в такую рань проснётся!..
Вот разве казаки на «Запорожцах»
Землицу-матушку лопатами орать

Рванут чуть свет на дачи мимо ЗИПа.
А ты, что загрустила, бабка липа?..
Какая вдруг привиделась пора?..
Гремят трамваи по булыжной Красной,
И кончилась война, и жизнь прекрасна,
И голубей орава всяких разных
Стартует прямо с нашего двора.
И падает письмо в почтовый ящик,
И угольщик свою телегу тащит,
И вопиёт: - Углей кому!.. Углей!..

А время всё отчётливей и злей,
И новый век закручен, зачат, начат,
И, угадав крутой его разбег,
- За безнадёгу и её успех! –
Воздымет тост провидец Поликарпыч...

И даль близка... Как бесконечна даль!..

И жжёт ладонь прадедова медаль.
И пахнет высь ромашками и тиной.
И бронзовая тень
Екатерины
Витают меж каштанов и катальп.

* * *

*В июле 2006 года станице
Полтавской исполнилось 212 лет*

Ты не спеши.
Пройдёмся по над берегом.
В тиши своей неброской красоты
Дремотны вёглы над Полтавским ериком
И ждут прохлады тёмные мосты.

Патлатые платаны ближе к вечеру
Склонят к воде свой жаркий груз ветвей,
И приплывёт – печально и доверчиво –
Ещё живая пара лебедей.

И в парке, у Огня, припомним вместе мы
Былую боль, и горлиц голоса

Окликнут нас, и свадебными песнями
Затеплятся, зардеют небеса.

И даль степей, и былль, и наше прошлое –
Всё это с нами, и легко дышать,
Когда живёт, любовью растревожена,
Казачьей славы вечная душа.

Ты не спеши.
Давай в саду побродим мы.
Здесь полумрак и слышно хорошо,
Как в шелестах и плесках малой родины
Не молкнет голос Родины большой.

* * *

Снег, конечно, уйдёт.
Он начнёт свой февральский исход
И уйдёт, и погибнет в пути,
По дороге к апрелю.

Мы любили снега.
Мы любили ночной хоровод
Под морозной и чёрной,
Продымленной праздником елью.

Снег уйдёт.
Провожая снега, берега
Потемнеют лицом,
Дерева снимут белые шапки.
И пробьётся трава к нам,
И вербные прутья в охапке,
И до ранней дороги
Всё те же четыре шага.

Снег, конечно, уйдёт!
И да будет дорога легка...
Он уйдёт, не печалась –
И жить, и любить мы умели.
Мы простимся с тобой.
Мы простим себе эти снега.

И уйдём,
И растаем
В сыром недоступном апреле.

* * *

Памяти Тамары

Пишу письмо – давно тебе пишу –
На кисее дождя, в линованной тетради
Трамвайных улиц, истинности ради
Все мелкие детали привожу.

Почтовый дилижанс куда-нибудь
Его свезёт. Мне адрес неизвестен.
Но лошадям овса, вознице – песен
И мудрости достанет на весь путь.

А впрочем, торопиться ни к чему,
Поскольку – зимний дождь,
И мостовая
Скользит, звенит, подковы обрывая
У лошадей почтовых,

И уму
Непостижима дикость расстоянья,
Что вдруг легло меж нами...
И стоянье
В очередях, где прошлогодний снег
Дают задаром (было бы желанье
Его спросить) – бессмысленно:
Он – снег.

Он знает срок, он снег,
Он изначально
Нам неподвластен –
Здесь, тем паче – там...
И по заросшим силовым полям
Петля дилижанс, как будто впрямь
Он тягло и возница,
И в звучанье
Его рожка – сиротство бытия,

Где сам не зная, берегаю я

И мокрядь луж,
И кисею дождя.

* * *

Он всё-таки добрался,
Он долез,
Строптивый плющ,
До дальней балюстрады.
Но выдохся и рухнул у ограды,
Не дотянув – ну, малость – до небес.

Убереги, Господь, нас от страстей!
Они лишают разума и силы.

Но мир угаснет, тёмный и унылый,
Когда б не луч любви во тьме остылой,
Когда бы не полёт мечты воскрылой,

Когда бы
Не Страдалец на кресте...

ДВА СЛОВА О СЕБЕ

(вместо послесловия)

Летом 2006 года я отметил свой юбилей. В краевом отделении Российского фонда культуры прошёл мой «творческий полдник» – встреча с читателями. Композитор Ольга Черевко поддержала меня «музыкально», исполнив под гитару свои песни на мои стихи. «Литературная газета» удостоила меня поздравлением, а газета «Кубанский писатель» с чисто казачьим размахом отвела мне полностью все четыре полосы.

Аудитория на встрече подобралась самая замечательная. Несколько близких мне по духу собратьев (сестёр) – писателей и десятка три незнакомых мне лично, но безусловно родственных душ, большей частью именно тех «божьих одуванчиков», чья бескорыстная любовь к поэзии так помогает сберечь ощущение небесполезности твоих стараний. Встреча, рассчитанная на час, продлилась – по настоянию аудитории – три часа без перерыва, и никто ни разу «не вышел покурить». И стихотворная эта тетрадка состоялась, в значительной мере, под влиянием той немногочленной встречи в Краснодаре, в Малой гостиной Российского фонда культуры.

Что касается моей биографии, то родился я в Краснодаре 18 мая 1969 года. В 1960 году окончил ленинградскую Военно-медицинскую академию, служил в ракетных войсках. Стихи пытался писать в молодости, были

публикации, но всерьёз занялся стихотворчеством сравнительно недавно, лет десять назад. Выпустил восемь поэтических сборников. Стихи публиковались в краевой и московской периодике, в том числе в журналах «Московский Парнас», «Поэтический Олимп», «Литературная учёба», «Русская жизнь», «День и ночь», «Кубань», «Звезда Черноморья», в газетах «Литературная Россия», «Трибуна», «Российская охотничья газета», «Медицинская газета», «Литературная Кубань», в американском альманахе «Лебедь» и др. Постоянный автор журнала «Родная Кубань».

Член Союза писателей России с 2002 года. Живу в станице Полтавской Краснодарского края.

Дополнительный материал к электронной версии сборника:

И праздник состоялся!

Праздники прочно вошли в нашу жизнь. Мы с одинаковым энтузиазмом празднуем День России, и день основания любимого города, Международный женский день, и день собственного рождения. И День рыбака совсем нам не чужд... День водителя, строителя, медика... Наше телевидение – это один сплошной праздник, который создают для нас сонмы профессиональных и не очень деятелей индустрии развлечений.

Праздник сегодня востребован. Их чередя проносится перед нами, зачастую не оставляя в нашей памяти ничего такого, за что потом можно было бы зацепиться мыслью и чувствами и воскликнуть: «Вот это был праздник!» Мы пресытились праздниками и почти разучились понимать их настоящее значение. Важным для нас остаётся одно – чтобы эти праздники были.

И вот, во всей этой праздничной чехарде состоялось событие, обращаясь мысленно к которому даже три-четыре недели спустя, меня не перестаёт покидать ощущение настоящего праздника, свидетелем и одновременно участником которого ты был сам.

17 мая 2008 года в муниципальном концертном зале Краснодара прошёл музыкально-поэтический вечер «Свет нашей любви», посвященный творчеству нашего земляка, замечательного поэта Алексея Горобца.

Но прежде мне следует сказать несколько слов об одной встрече, которая состоялась более четырех лет назад. Это была встреча краснодарского композитора и исполнителя песен Ольги Черевко со стихами А.Горобца. Впечатления Ольги от знакомства с этими стихами оказалось настолько сильным, что само собой вылилось в песню. Потом был её приезд в станицу

Полтавскую, личное знакомство с автором стихов и исполнение этой, самой первой песни, для полтавчан. А потом были месяцы и годы непрерывного общения поэта и композитора, и было множество других песен.

В марте 2008 года в культурном центре станицы Полтавской слушателям была представлена программа, которая включила в себя стихи Алексея Горобца и песни, написанные Ольгой Черевко на эти стихи за годы сотрудничества.

Тёплый приём и восторженная реакция полтавчан воодушевили Ольгу на создание и воплощение подобной программы уже на сцене Краснодарского концертного зала, и она со свойственными ей энергией и энтузиазмом взялась за организацию такого мероприятия.

Мало кто знает, насколько сложная и одновременно амбициозная задача стояла впереди, приложения каких колоссальных усилий требовалось, чтобы договориться о предоставлении помещения довольно внушительного по своей вместимости концертного зала, отобрать материал для программы, подготовить и выверить сценарий, распространить билеты... да много ли ещё чего.

По силам ли сегодня для Кубани такая задача, когда речь заходит о поэзии? Возможно ли привлечь стихами нашего, кубанского поэта столько любителей поэзии?..

По силам. Возможно. Прошедший вечер убедительно это показал.

Зал был заполнен. В этот вечер собрались здесь и просто любители поэзии, и почитатели таланта Алексея Горобца из Краснодара, из других уголков края, ну и, конечно же, из станицы Полтавской.

Волновались все, и зрители, и организаторы, и участники концерта. Но уже с первых мгновений встречи с поэзией, а именно так мне и хочется назвать этот концерт, волнение ожидания исчезло, уступив место праздничным переживаниям.

Вела программу музыковед, заслуженный деятель искусств Кубани Нина Магдалиц, которую совершенно справедливо будет назвать третьим полноправным участником этого действия. Её располагающая манера общения со слушателями, проникновенные интонации речи с первых секунд привлекли внимание зала, задали концерту особый тон и создали нужное настроение. А потом были стихи, были песни, были горячие аплодисменты, цветы, разговоры о поэзии, снова стихи, снова песни, крики «браво», ещё аплодисменты, ещё цветы...

Вслед за участниками концерта зал напевал слова понравившихся песен, повторял строчки давно полюбившихся стихотворений. Где-то в середине вечера я услышал, как сзади меня, на четвёртом или пятом ряду, кто-то нашёптывает вслед за Алексеем Горобцом строчки из его стихотворения:

*...И я вернусь –
Дождём, метелью, зноем...*

И от беды собой тебя укрою –

*Ещё не раз,
Даст Бог – ещё не раз...*

Я обернулся на шёпот, привычно ожидая увидеть знакомое лицо кого-либо из полтавчан, которым давно и крепко полюбились стихи своего земляка. Лицо молодого человека, шептавшего строчки стихов, и лица его спутников, с упоением внимавших происходившему, были мне незнакомы. В этот момент я окончательно понял, что праздник состоялся.

Ну вот и всё. Почти всё. Говорить об остальном необходимости нет. Потому что это остальное незримо осталось в сердце каждого, кто был в тот вечер в концертном зале и унёс с собой частичку праздника. Последний, но важный штрих, о котором хочется сказать. Как только руководители станицы Полтавской узнали о предстоящем культурном мероприятии, они не только выкупили для станичников часть билетов и организовали доставку полтавчан на концерт, но и сами стали деятельными участниками этого события. Да и могло ли быть иначе! Ведь не просто так, не пустой формальности ради Алексей Горобец стал одним из первых почётных граждан старинной казачьей станицы Полтавской.

В последнее время на различных уровнях очень много говорится о патриотизме, слышатся громкие призывы любить свою землю, свою историю, свой народ. Призывов много, но мало кто из говорящих действительно способен показать нам, а что же такое на самом деле, этот патриотизм. А вместе с тем, на общем фоне «патриотической невнятицы», всё то, о чём мною здесь сказано, и является примером настоящего, тихого патриотизма, о котором не кричат и который не выпячивают напоказ, но который каждодневно живёт и проявляется, и в этих негромких стихах, и в этой неподдельной любви к ним. Вот и подаренный нам праздник, это тоже – одно из проявлений патриотизма. Красивое проявление, не правда ли?

Сергей СЫЧЁВ,
июнь 2008 г.

Фото, сделанное после музыкально-поэтического вечера «Свет нашей любви».

На снимке: Алексей Борисович Горобец, композитор и исполнитель Ольга Черевко, меценаты вечера, руководители муниципального образования Красноармейский район Краснодарского края и Полтавского сельского поселения Красноармейского района, представитель Краснодарского краевого отделения Литературного фонда России, ведущая вечера Нина Магдалиц (вторая справа в первом ряду).

Фото: Сергей Сычѳв.

Всѳ та же надежда, всѳ та же любовь...

(о гранях поэзии Алексея Горобца)

Поэт периода заката серебряного века, а впоследствии русской эмиграции Георгий Иванов, нередко посмеивался над своей женой, поэтессой Ириной Одоевцевой, видя, как она, словно по часам, садится за письменный стол и занимается сложением стихов. При этом он всякий раз говаривал, что настоящие стихи невозможно сочинять, к тому же, занимаясь этим по расписанию, словно подѳнной работой; настоящие стихи приходят сами и делают это всегда неожиданно, поэту же, остаѳтся лишь придать им форму, сделать огранку, убрав всѳ лишнее и мешающее их совершенству.

Ох уж этот гумилёвский «Цех поэтов»! Я не знаю, как пишет свои стихи Алексей Горобец, но одно знаю наверняка – его стихи не ходят по земле в поисках своего хозяина, они спускаются к нему свыше и в этом, несомненно, кроется божественная суть его огромного поэтического таланта. Это нисколько не является преувеличением и мне, молодому прозаику, совсем не хотелось бы быть заподозренным в неуклюжем желании угодить сложившемуся настоящему и большому автору замечательных стихов.

В правдивости моих слов может убедиться каждый, кто любит и знает поэзию и кому в руки хоть раз попадалась книжечка стихов Алексея Горобца. Я не случайно говорю – хоть раз, ибо, единожды повстречав его стихи, забыть о них уже невозможно.

*Умой слова,
Повычеркни красоты
И удержи – хотя бы до утра! –
Любовь к печали,
Верность справедливости
И тайнопись гусиного пера.*

Стихи Алексея Горобца относятся к разряду той поэзии, которую невозможно пересказать своими словами, в чём кроется несомненный признак настоящей, высокой поэзии. Да и нужно ли их пересказывать? Не для того ведь их создатель ткал музыку слов и создаваемых словами образов, чтобы разрушить её прикосновением грубой повседневности.

*А ночь – белоснежна,
А небо – туманное,
А белы снега – глубоки и легки.
И льдиста дорога – метельная, санная,
И ловят удачу в снегах ямщики.*

Да, поэзия Алексея Горобца, действительно, очень музыкальна и, если говорить о музыкальности его стиха, то мне эта музыка слышится удивительно тихой, наполненной той светлой и лёгкой грустью, которая охватывает вдруг человека, изумившегося неожиданно представшей ему в своей естественной простоте, неброской красоте окружающего мира, и навсегда полюбившего его жгучей любовью, которую поэт не выставляет напоказ, а доверяет своему читателю, словно самому близкому другу.

*Истраченный ветрами до упора,
Испитый суховеями до дна,
Приткнёшься ты под небом у забора,
И глянешь вверх,*

И ахнешь: – Тишина...

Может быть, поэтому, стихи Алексея Горобца не терпят резких звуков, не приемлют громкой речи и не выносят суеты шумных собраний. С ними хорошо и приятно оставаться наедине, переживая при чтении те чувства, которые вряд ли были бы так сильны, так ярки и, может быть, так уместны в месте публичном.

*...И по дождю, по тучам серо-бурым,
В ладу с тоской и всем печалям в лад,
Отворотясь, презрев огляд назад,
Уйду – туда, где старенькое солнце*

*Всё бьётся,
Всё не верит в свой закат...*

А ещё стихи Алексея Горобца – это бесконечный поток ярких образов и метафор, которые, нередко, заставляют читателя вздрогнуть и замереть от их неожиданной силы, новизны и глубины.

*И там, за горизонтами, за краем
На трёх китах дрейфующей Земли...*

или

*И сломан руль,
И стонут вёсла-скрипки...*

и ещё

*А снег спешит – и упадет в грязь,
И лужи осыпает мелкой бранью...*

Оригинален А.Горобец и в построении своих стихотворений. В его небольших по объёму творениях (поэт не любит писать длинных стихов, вполне справедливо полагая, что длинноты только затрудняют восприятие передаваемых поэтом чувств и сбивают читателя с нужного настроения), нередко отдельная строка и даже слово настолько ёмки и сильны, что такая строка, чтобы подчеркнуть её ёмкость, выделяется автором в отдельную строфу, а слово – в строку. Причём, делает это Алексей Горобец зачастую неожиданно и всегда интонационно точно, будто создаёт нотную партитуру. Не зря же, ощущение от его стихов неотделимо от ощущения, вызываемого соприкосновением с музыкой. Так поэт создаёт в своих стихах неповторимый

пленяющий и даже пьянящий читателя ритм, которого я не встречал ни у кого из других поэтов-лириков.

*И лето буйствует,
И рядом осень, где мы
Уже стоим, безропотны и немы,*

Наедине с дождливым одиночеством

*В туманах
Молчаливой
Тишины.*

Так о чём же пишет Алексей Горобец?.. Всё о том же. О любви. О любви к женщине, к своей земле, к природе, к смене времён года, каждое из которых, поэт воспринимает с благодарностью, находя в нём новые краски и новые источники для творческого вдохновения. Да, Алексей Горобец пишет о том, о чём писано до него было тысячи раз, но как же особенно и как по-своему ярко он это делает!

*Придёшь зимой –
Я печку затоплю,
Повытрясу из книг цветы-закладки,
И ароматом пыли утеплю
Следы в душе,
Что так глупы и сладки.*

Несправедливо было бы не отметить, что лирика Алексея Горобца очень философская. Его стихи мудры и беспристрастны в своём стремлении посредством ёмких поэтических образов отобразить богатый и сложный внутренний мир поэта.

*Ты оглянись вперёд,
Устань смотреть назад.
Устань крутить кино о непрошедшем бывшем.
Там до сих пор кипит вендетта, газават
Любовей и надежд – несбывшихся, небывших.*

Заговорив о философской стороне творчества Алексея Горобца, невольно приходишь в своих мыслях к сравнению его поэзии с философской лирикой Леонида Мартынова. Ну и что, что они разные и что у Леонида Мартынова ироничная философская мысль зачастую превалирует над чувствами! Они два больших поэта, и очень жаль бывает сознавать, что в наше нынешнее время низложенного материализма и победившей материальности, в наше

кричащее время брэндов и штампов, гламура и куртуазности, за нагромождениями модного литературного мусора очень трудно бывает разглядеть настоящего поэта и отдать должное его таланту. Очень горько сознавать, что стихи Алексея Горобца знают и любят где-то в далёкой Америке, и так незаслуженно мало они известны в нашей России.

Не так давно Алексей Горобец разменял свой восьмой десяток. С того времени, когда к нему пришли стихи, не прошло ещё и десяти лет, но каких лет! Им выпущено девять поэтических сборников, с каждым из которых, не утрачивается, а только увеличивается ощущение, что всё ещё впереди.

В октябре 2007 года на страницах «Литературной газеты» был отмечен юбилей ушедшего из жизни на исходе века любимого мною поэта Евгения Блажеевского. Они в чем-то похожи, два этих поэта, в стихах которых мудрая грусть переплетается со страстным желанием любить этот мир несмотря ни на что. У Алексея Горобца об этом есть такие строки:

*И пусть уже в небе метель куролесится,
И супит позёмка белёсую бровь,
Он помнит и ждёт,
И в душе его теплится*

*Всё та же надежда,
Всё та же любовь...*

И очень хочется надеяться, что когда-нибудь очень скоро, будет такой вполне заслуженный юбилей и у Алексея Горобца, только при жизни поэта. Конечно, при жизни.

СЕРГЕЙ СЫЧЁВ,
01.11.2007 г.